

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И КРУШЕНИЕ ПРОЕКТА

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН «ТРЕТИЙ ПУТЬ» *

* Опубликовано: Вечерний Омск.— 1990.— 23 октября. С. 2

1. Азбука политологии: испорченный компас

Публикуемый сегодня документ (платформа левой социал-демократии) нуждается в некоторых пояснениях. Первое из них связано с тем, что, несмотря на всю нашу гласность на грани свободы слова, а может быть, благодаря ей, общественное сознание не только приоткрывает истину, но и меняет прежние ложные стереотипы на новые. В таких условиях приходится вновь разяснять азбучные истины научной политологии, известные всему цивилизованному миру, но забытые в нашей стране, в очередной раз пытающейся изобрести велосипед.

Так случилось, например, с исходными политическими ориентирами, когда наша нарождающаяся демократия, подобно малому ребенку, не смогла различить, где у нее какая рука. В СССР, как известно, политиков делят обычно на «демократов» («левых») и недемократов («правых»), тогда как на Западе сторонниками политической демократии являются практически все сколько-нибудь значимые течения: от неоконсерваторов до коммунистов, за исключением крайне правых и крайне левых. В таких условиях совершенно очевидно, что сами демократы бывают как левыми, так и правыми, причем различие между теми и другими определяется, конечно, уже не отношением к демократии, а их социально-экономической программой, т. е. позицией по вопросу о социальном равенстве или неравенстве, а значит, и о собственности. Чем больше та или иная партия стремится к равенству, тем она левее, и наоборот. При этом характеристика «левее» совсем необязательно несет в себе положительную оценку, «правее» — отрицательную.

До недавнего времени и мы не сомневались, что «военный коммунизм» — это ультралевая политика, поскольку идея социального равенства была доведена до логического конца, до абсурда и внедрялась с помощью насилия, и поэтому это плохо; НЭП — гораздо более правая политика, но более реалистическая, и это хорошо; сталинский перелом — вновь зигзаг в сторону левого радикализма, перестройка же — вновь вправо и т. д. Именно такой подход находим еще в известной статье Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы» (1988 г.). В интервью западным средствам массовой информации наши «левые радикалы» и сейчас правильно определяют свои позиции.

Однако внутри страны абсолютное большинство политических лидеров, включая таких, как М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, закрывают глаза на то, что общество попало в «королевство кривых зеркал» и, похоже, склонны,

скорее, издать декрет о признании левой руки в качестве правой, нежели вернуть народу нормальную политическую ориентацию.

Почему же возникла подобная aberrация политического зрения? Думаю, тому есть три причины. Во-первых, крайне левые и крайне правые имеют немало общего. Например, те и другие готовы применять насилие для достижения поставленных целей. Не зря говорят, что, если очень далеко идти налево, обязательно выйдешь справа. Отечественные консерваторы, следовательно, не потому, дипломатично выражаясь, не являются почитателями демократии, что они правые, а, напротив, потому, что они чрезмерно левые. Во-вторых, в политике советского руководства очень долго сочетались слишком левые (уравниловка) и откровенно правые (привилегии для правящей элиты) тенденции, а среди правых лозунгов радикалов (неограниченная частная собственность и социальное неравенство) встречаются и левые (ликвидация все тех же привилегий), вплоть до необольшевистских, близких к «грабь награбленное»! В-третьих, очевидно, мы имеем дело также с низким уровнем политической культуры и сознательным желанием использовать десятилетиями насаждавшиеся стереотипы: левые — те, кто за народ, хорошие, правые — против.

К чему приводит подобная путаница, легко проиллюстрировать на примерах. Так, в массовом сознании не только В. И. Ленин — левый радикал, но и ненавидящие его Ю. Афанасьев и В. Новодворская — тоже левые радикалы. Спрашивается, чего же они не поделили? Для англичан М. Тетчер, безусловно, правый политик, у нас ее сторонники считаются левыми. Так куда же мы все-таки движемся?

На одной из встреч избирательница, спрашивая меня о здоровье уважаемого в Омске народного депутата, просила передать ему привет и прибавила: «Мы любим таких...» (далее шла похвала, которая может быть понята двояко, поэтому я ее не воспроизвожу). Однако, разбирая вопрос о рынке, мы вскоре выяснили, что политические позиции избирательницы и депутата противоположны. Он — сторонник неограниченного развития частной собственности, она — противник любых ее форм. Поистине такую любовь можно было назвать метафизической тайной, если бы она не объяснялась элементарной политической необразованностью. Уверен: пора перестать чудить и возвращаться к принятым во всем мире представлениям, иначе можно уподобиться героям известного анекдота, которые после дружеской пирушки вместо Ближнего Востока попали на Дальний и удивились, почему у израильтян совсем не тот разрез глаз? Если стрелка компаса вместо севера показывает на юг, подобных ситуаций не миновать.

Анализ расстановки политических сил в стране — особая большая тема. Пока лишь замечу, что, согласно принятому во всем мире пониманию, левыми радикалами в СССР являются, например, Нина Андреева, желающая вернуться к несколько улучшенной сталинской модели, или партия диктатуры пролетариата. Напротив, партия «Демократический союз» праворадикальна не только потому, что требует сделать частную собственность преобладающей перед всеми другими ее видами, но и потому, что с противоположных политических позиций нередко заимствует большевистские лозунги и методы (не случайно ее называют «зеркальной партией»). Либералы же, т. е. сторонники равноправия всех форм собственности, включая частную с наемным трудом, занимают позиции несколько правее центра.

В опубликованном нами документе приведены и некоторые другие критерии, позволяющие различать существующие у нас политические течения.

Здесь я расстаюсь с позицией беспристрастного политического комментатора и перехожу к изложению собственного взгляда на происходящие у нас процессы.

2. Борьба элит

Читатели, знакомые с романом Джорджа Оруэлла «1984», помнят, наверное, рассуждения автора о механизмах исторического развития. Любое общество, согласно Оруэллу, подразделяется на три класса: элиту, средний и низший, взаимоотношения которых и определяют ход событий. На определенном этапе внутри среднего класса вызревает новая элита, которая привлекает на свою сторону низший класс, сбрасывает прежнюю элиту и становится на ее место и т. д.

Схема не лишена недостатков, но заслуживает внимания, а самое главное, кое-что объясняет и в нашей действительности.

В самом деле, стержнем политической жизни в настоящее время является борьба двух основных направлений или блоков. Первый — консервативный (если угодно, блок леворадикальных консерваторов), требует возвращения к блаженным сталинским (либо послесталинским) временам, вольно или невольно защищая тем самым интересы одряхлевшей бюрократической элиты. Второй — правый, устами Валерии Новодворской и, увы, многих талантливых интеллигентов предлагает возвращаться еще дальше назад, к 1916 г., хотя бы и ценою 100-летнего отставания. За позицией этого блока легко увидеть интересы тех, кто рассчитывает, сбросив старую элиту, стать у кормила власти, прежде всего крупных дельцов «теневой» экономики. Именно они под лозунгом «равных возможностей» стремятся получить полную свободу умножения накопленных капиталов. Поскольку оба блока зовут в прошлое, их междоусобная борьба подобна борьбе мамонтов с динозаврами. О том, что каждый из этих путей угрожает стране национальной катастрофой, а, возможно, и гражданской войной, мне уже приходилось писать. (Вечерний Омск.— 1990.— 3). марта Сейчас добавлю лишь одно: любимые мною деятели культуры, призывающие страну назад в 1916-й, надеюсь, невольно уподобляются Ивану Карамазову, который провоцирует Смердякова на преступление: в истории смена общественных формаций никогда не происходила в условиях гражданского мира, а переход от административно-бюрократической системы к первоначальному капитализму наверняка не обойдется малой кровью. Не случайно в последнее время именно либеральные публицисты так сильно затосковали по «твердой руке», по генералу Пиночету и его южнокорейским коллегам.

Однако пора внести в схему Джорджа Оруэлла и коррективы: думаю, формирование новой элиты в советских условиях будет идти не столько путем вытеснения (европейский вариант), сколько путем сращивания ее с прежней (вариант афро-азиатский). В самом деле, спросим себя: кто в условиях административно-бюрократической системы имел больше возможности обогатиться незаконным путем? Ответ, думаю, очевиден: там, где «несун» - рабочий пользовался карманом или рюкзаком, вор-начальник — машиной. Так что среди новых господ, уверен, будет немало старых знакомых. Венгерские специалисты ожидают, что в процессе приватизации большинство мелких магазинов и предприятий скупят их бывшие директора. Поэтому когда либералы и

более правые партии представляют себя противниками бюрократии, это в лучшем случае самообман.

Итак, при всей междоусобной борьбе сторонники обоих путей защищают элитарные интересы. За оба пути народу придется заплатить непомерной ценой. Но есть третий путь — путь наименьших потерь, контуры которого обрисованы в предложенном проекте. Очень важно, чтобы сторонники этого пути, которые хотят действительной свободы для всех, для которых новая элита ничем не лучше старой, нашли друг друга и попытались, пока не поздно, предотвратить ожидающие страну социальные потрясения.

ОСНОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ К ПЛАТФОРМЕ ЛЕВОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ *

* Публикуется с сокращениями. Опубликовано: Вечерний Омск.—1990.— 23 октября; Идеиные ориентиры обновленной партии. Материалы для участников семинара.— М.: ИОН при ЦК КПСС.— 1990. С. 14—19

КПСС вступила в решающую стадию кризиса, который среди прочего выражается в том, что:

1) в партии существует «сверхплюрализм», объединены несовместимые политические течения — от леворадикальных до либеральных;

2) руководство и Генеральный Секретарь ЦК не имеют ясных ориентиров, пропагандируя причудливый конгломерат идей, включающих:

формальное признание классически коммунистических принципов (коммунистическая перспектива);

остатки консервативно-бюрократической идеологии (опора на аппарат, стремление удержать власть ценою сдачи принципиальных позиций);

преобладающие элементы идеологии социал-демократии, причем не только левой, но и правой.

В таких условиях формальное единство уже не может обеспечить социалистическую перспективу развития страны: настал час размежевания. Однако прежде чем и для того чтобы цивилизованно размежеваться, необходимо объединиться на принципиальных платформах.

Платформа левой социал-демократии — возврат не к большевизму, крайний радикализм которого обернулся человеческой трагедией и неэффективной экономической моделью, а к истокам движения, обогащенным опытом социал-демократических и реформистских коммунистических партий Запада.

Цель

Большинство политических течений — от консерваторов до либералов и правых радикалов — провозглашают своей целью конкретное человека. Левая социал-демократия уточняет: достойная, социально-гарантированная, свободная жизнь человека в свободной от господства старой бюрократии и новых буржуа демократической России.

Одно из фундаментальных противоречий современной цивилизации — противоречие свободы и равенства (справедливости). Либерализм жертвует

справедливостью во имя свободы, тем самым ограничивая реальную свободу низших классов. Ортодоксальный коммунизм жертвовал свободой во имя равенства, которое становилось равенством в бедности. Левая социал-демократия намерена отстаивать обе эти ценности, полагая, что свобода без справедливости и справедливость без свободы превращаются в химеры.

Ближайшая непосредственная цель левой социал-демократии — защита интересов всех, живущих своим трудом (от рабочих и интеллигентов — до крестьян, фермеров и мелких предпринимателей) в условиях перехода к рынку, социальная помощь малообеспеченным.

Третий путь

В современных условиях революционной ситуации перед страной открываются три возможных пути развития.

1. Консерваторы требуют восстановления прежней модели административно-бюрократического социализма, фактически призывают назад в 70-е или даже в 30-е, хотя этот путь убедительно доказал, что ведет в тупик.

2. Правые радикалы добиваются «нормального капитализма», возврата к дооктябрьским временам. По сути на той же позиции стоят либералы, хотя и под лозунгом: «Долой «измы»!» Однако «нормальный» капитализм в Советском Союзе и России возможен не как современный, цивилизованный, а лишь как первоначальный, азиатско-бюрократический. Не исключено, что этот путь и принесет когда-нибудь свои плоды, но не для нынешнего поколения и ценою крайней социальной напряженности и человеческих потерь. Доминирующая в политической жизни страны борьба консерваторов с либералами и правыми радикалами — это борьба реакции с контрреволюцией. В конечном итоге за ней стоит борьба одряхлевшей бюрократической и нарождающейся буржуазной элиты, структуры которых нередко сращиваются, образуя бюрократический капитал.

3. Левые социал-демократы — сторонники третьего пути, который, основываясь на достижениях современного «социализированного» капитализма, призван обеспечить реальную власть и свободу для народа. Мы предлагаем не возвращаться назад, не повторять пройденных путей, а напротив, двигаться в том направлении, куда идет современная цивилизация.

Собственность

Принцип либерализма — равноправие всех форм собственности, включая частную, основанную на наемном труде. Правые радикалы предпочитают частную собственность всем другим ее видам. Правые социал-демократы, соглашаясь с либералами, обращают внимание на социальную защиту неимущих.

Левые социал-демократы полагают:

1) что полного юридического равенства всех форм собственности на практике нигде нет (в развитых странах льготные условия создаются «народным», т. е. коллективным предприятиям);

2) что собственность в конечном итоге определяет характер власти, а потому неограниченная частная собственность — путь не к свободе, а к замене прежней властвующей элиты на новую.

Наш лозунг: «Фабрики — рабочим!» В смешанной экономике, включающей все

формы собственности, ведущую роль должны занять не государственные предприятия в их нынешнем виде (что выгодно бюрократии) и не частные или частно-акционерные (что выгодно нуворишам и худшей части той же бюрократии), а «народные» предприятия двух типов:

а) находящиеся в полномочном владении (без права отчуждения) трудовых коллективов;

б) находящиеся в коллективной собственности западного образца, когда акционерами являются только работники, при более или менее равномерном распределении капитала и отсутствии (либо минимуме) наемного труда. Именно такие экономические формы при достаточной эффективности оптимальны для преодоления отчуждения работника.

Законом защищается лишь честная частная собственность, преимущественно мелкое предпринимательство.

Левая социал-демократия разделяет принцип всех великих революций: «Земля — тем, кто ее обрабатывает». Собственник земли — народ, на ней проживающий; распорядитель — Советы. Формы хозяйствования (включая пожизненную наследственную аренду) свободно выбираются крестьянами. Приватизация земли возможна лишь в ограниченных пределах и при таком механизме, который гарантировал бы ее получение крестьянами. В СССР при нынешнем уровне благосостояния села и при наличии громадного бюрократического аппарата такой механизм вряд ли удастся создать. Введение рыночных отношений возможно и без частной собственности на землю.

Проблема эксплуатации

Сторонники ортодоксального коммунизма выдвигают утопическое в данное время требование исключить ее из жизни общества. Либералы сеют иллюзии, будто такой проблемы вообще нет, либо усматривают возможность эксплуатации только со стороны государства.

Левая социал-демократия исходит из того, что:

а) в условиях рыночной (как и безрыночной) экономики избежать эксплуатации пока невозможно;

б) эксплуатация — одна из форм отчуждения человека, а потому надо стремиться к ее ограничению в интересах экономической эффективности и социальной справедливости. Этому могут служить следующие меры, применяемые в большинстве цивилизованных стран:

система прогрессивных налогов на «верхнюю» часть предпринимательской прибыли, на недвижимость крупных размеров, на наследство, позволяющее жить не работая, и т. д.;

налоговые льготы предприятиям, продающим акции главным образом собственным работникам;

система «участия в прибылях», ставящая распределение под контроль трудящихся в лице профсоюзов или других организаций. Помимо всего прочего это ослабит социальную напряженность при переходе к рынку.

Рынок

Консерваторы — противники рынка, а если и признают его, не готовы

поступиться интересами государственной бюрократии для облегчения положения «простых» граждан, ущемить ведомственные интересы. Либералы и правые социал-демократы требуют рынка, но уверяют, что он может быть только одного типа (подразумеваемая — капиталистического), на практике же защищают интересы тех, кто уже накопил богатство, нередко предлагают опереться на «теневую экономику».

Левые социал-демократы, будучи сторонниками рынка, ставят два вопроса: а) какой рынок? б) в чьих интересах и за чей счет?

Сторонники платформы исходят из того, что на современном Западе есть два типа рынка, различающихся экономическими субъектами:

- а) основанный на частной и частно-акционерной собственности — капиталистический;
- б) основанный главным образом на коллективной собственности — «посткапиталистический». На него и следует ориентироваться Союзу и России.

Наш лозунг: «Рынок — для народа, а не для бюрократов и нуворишей за счет народа».

Справедливость и социальная защита

Консерваторы — сторонники уравниловки, лишаящей человека стимулов к труду; либералы — неограниченного социального неравенства, создающего высокую социальную напряженность и превращающего в фикцию лозунг «равных возможностей». Вопросы социальной защиты слабо разработаны в существующих программах перехода к рынку.

Позиция левой социалдемократии — преимущественно трудовое, контролируемое обществом неравенство. Помимо системы прогрессивного налогообложения и «участия в прибылях», этому могут служить:

ликвидация ограничений на заработки трудящихся, связанные с ростом эффективности труда;

право всех работающих пенсионеров на полную пенсию;

система общественного контроля над экономической деятельностью: полная гласность в отношении продажи мелких предприятий, налоговые декларации и т. п.;

общегосударственная программа борьбы с «теневой экономикой» и организованной преступностью.

Милосердие в понимании левых социал-демократов — не бесплатный суп и ночлежки (хотя и это бывает полезно), а создание условий для полноценной жизни и развития, т. е. системы социальных гарантий, включая:

приближение минимальной заработной платы и трудовых пенсий к прожиточному минимуму, определяемому по регионам;

ускоренную разработку и внедрение государственной и местных программ обеспечения занятости;

формирование системы социальной помощи и льгот для бедных («малообеспеченных»), многодетных семей и т. п. категорий граждан.

Таким образом, вместо бюрократической защиты должностных привилегий и либерально-демократического требования отказа от всяких привилегий левая социал-демократия выдвигает лозунг: «Привилегии — только во имя равенства!»

Демократия

В настоящее время сторонниками «твердой руки» выступают не только консерваторы, намеренные таким путем восстановить улучшенный вариант прежней системы, но и все больше либералов, желающих административными методами ввести «рынок» (т. е. капитализм), преодолевая сопротивление неимущих.

Левые социал-демократы не просто противники авторитаризма, но и сторонники развернуто-демократического режима, который позволяет трудящимся защищать собственные интересы. Такой режим предполагает:

завершение передачи власти Советам, государственный, но не партийный контроль над армией, правоохранительными органами, государственными средствами массовой информации;

действительный политический плюрализм, принятие Закона о партиях;

принятие пакета законов, гарантирующих права человека в соответствии с международными нормами;

формирование преимущественно «снизу» структур управления экономикой, культурой, общественными организациями;

широкое местное самоуправление, включая микрорайоны, жилмассивы в городах.

Левые социал-демократы — сторонники не президентской, но парламентской республики; сильная власть Президента, даже избранного всенародным голосованием, при российских и советских традициях может легко превратиться в новую диктатуру.

Демократии не добиться путем запретов. Запрет партийной деятельности на предприятиях и в государственных учреждениях — новая форма отчуждения от политики. Однако, считаясь с общественными настроениями, левые социал-демократы готовы передать этот вопрос на усмотрение трудовых коллективов.

Армия и правоохранительные органы подлежат департизации. Однако в переходный период в них лишь упраздняются партийные организации с сохранением для желающих права на членство в политических партиях.

Национальный вопрос

Сохранение Союза в новой форме — как Союза суверенных государств — было бы объективно лучшим для всех вариантов, однако это маловероятно. В таких условиях левые социал-демократы считают необходимым:

признать право наций на самоопределение вплоть до отделения, на определение формы своей государственности в Союзе и Российской Федерации, на широкую административно-территориальную и культурную автономию (все это относится и к правам национальных меньшинств в отделяющихся республиках);

защищать человеческие права и интересы национальных групп — представителей народов России, живущих в других республиках, в том числе и прежде всего — в отделившихся от Союза;

сохранять льготы в экономическом отношении только для республик, входящих в Союз, в отношениях же с остальными немедленно переходить на мировые цены.

Образование и культура

В этой области левая социал-демократия поддерживает следующие общедемократические принципы:

приоритетное финансирование образования и культуры, повышение уровня заработной платы работников, обращенных к человеку, как минимум, до уровня работающих в материальном производстве;

плюрализм культурных направлений гуманистической ориентации;

экология культуры, поддержка культурных направлений, пропагандирующих действительно общечеловеческие ценности: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; классическому и народному искусству — лимитированные цены, низкие налоги, государственные дотации и общественное меценатство. Полный хозрасчет — гибель подлинной культуры;

широкая автономия и самоуправление учебных заведений.

Тактика

Левая социал-демократия придерживается тактики двух блоков: «демократического» — с либералами — в том, что касается демонтажа остатков административно-бюрократической системы; левого — с другими социалистическими течениями — в вопросах собственности и социальной справедливости. В просветительной работе следует исходить из того, что консервативно-бюрократические стереотипы уже разрушены либеральной прессой, а потому необходимо сосредоточиться на критике новых либеральных стереотипов.

Наиболее вероятная ближайшая перспектива левой социал-демократии — деятельность в оппозиции к побеждающим либералам и правым радикалам, возможно, при правом авторитарном режиме и запрете на деятельность коммунистических и социалистических партий...

Платформа левой социал-демократии обращается с предложением о совместных действиях ко всем сторонникам «третьего пути» в КПСС, к тем, кто вышел из ее рядов, другим социал-демократическим организациям, «зеленым», анархо-синдикалистам, беспартийным: только объединив усилия, можно уберечь страну от возврата как к «казарменному» коммунизму, так и к примитивному, антигуманному капитализму, возможно, к гражданской войне и национальной катастрофе.

ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ЛЕВЫЕ *

* Опубликовано: Позиция.— 1991.— № 43. С. 1

Газеты полны сообщениями о том, как быстро организуются предприниматели России и других республик бывшего Союза: то создается Клуб молодых российских миллионеров; то на российском съезде видный «радикальный демократ» возглашает: «Артем Тарасов — наша надежда, наш столп»; то Гавриил Попов, попытавшийся ограничить цены на московских рынках, подвергается массированной атаке за «антинародную» деятельность; то с предпринимателями встречается и делает им реверансы бывший российский премьер Иван Силаев; то, наконец, Совет предпринимателей создается при Президенте Михаиле Горбачеве.

Замечу мимоходом, что структуры, обеспечивающие воздействие «большого бизнеса» на систему власти, есть, конечно, во всех цивилизованных странах, однако там они не афишируются. Власть стремится представить себя защитником интересов всего народа, а не отдельной социальной группы, простого человека, а не промышленно-финансовой элиты. У нас, как видим, иначе: Президент создает при себе не Советы работников, пенсионеров, безработных и т. п., но лишь Совет предпринимателей. О защите интересов этой социальной группы открыто заявило и большинство новых партий, относящих себя к демократическим.

А что же работники? Неужели они всерьез поверили, что чем богаче богатые, тем быстрее мы станем развиваться, что чем больше денег у миллионеров, тем больше станет и наша заработная плата? Если так, должен разочаровать: в этом новом мифе правды ничуть не больше, чем в старых, какими нас кормили до недавнего времени. Скажем, в Японии в середине 80-х уровень социального неравенства был немногим выше, чем в СССР, а уровень общественного богатства приближался к американскому. Относительно невысок уровень социального неравенства в таких богатых странах, как ФРГ, Швеция и некоторых других. И, напротив, именно бедные страны демонстрируют кричащую роскошь на фоне нищеты большинства.

Наивно думать, что отечественные предприниматели станут заботиться о работниках, как о самих себе или еще больше. Спасение утопающих во все времена было делом рук самих утопающих. Предприниматели организуются — это естественно, но надо организовываться и работникам. Надо тем более, что мы стоим на пороге беспрецедентной в мировой практике приватизации. Провозглашая равенство всех форм собственности, руководители страны фактически отдают приоритет частному бизнесу. А в этом случае, как мне уже не раз приходилось писать, приватизация неизбежно приобретет криминально-бюрократический характер. Увы, за примерами далеко ходить не надо: полюбуйтесь хотя бы на то, как омский Торговый дом скупает за бесценок книжные магазины в центре города, не спрашивая при этом работников! Такой произвол идет вразрез даже с плохим, по моему убеждению, российским Законом о приватизации, который дает все же известные права трудовым коллективам и требует, чтобы их мнение спрашивали, принимая подобные решения.

Защита интересов работников — прежде всего профсоюзов. Однако этого мало. Нужны еще и политические партии. Во всем цивилизованном мире, в отличие от нашего отечественного «королевства кривых зеркал», партии, ориентирующиеся на интересы работников, на большее социальное равенство, называются левыми; партии же, ориентирующиеся на интересы предпринимателей, на социальное неравенство — правыми. После разрушения КПСС, верхушка которой срослась с бюрократией, а «низы» в большинстве своем разделяли более или менее левые настроения, на нашей политической арене остались, по преимуществу, партии правого толка, которые вступили в борьбу за власть между собой. Есть, правда, некоторые признаки смещения влево Демократической партии России (партии Травкина) и социал-демократов. Думаю, эта тенденция будет нарастать, но пока она очень слаба. В таких условиях место на пустующем левом фланге намерена занять Партия Труда. С инициативой создания этой партии выступили: московские профсоюзы, социалисты, анархо-синдикалисты, часть бывших коммунистов

недогматического толка.

Нравится это кому-то или нет, но надо понять: без левой оппозиции общество не может нормально развиваться, как не может человек ходить на одной правой ноге. Если на политической арене не представлены левые, не только некому защищать права работников, но к тому же трудно сохранить демократию. Ведь сильная оппозиция — гордость любого демократического общества, а без нее и демократии приходит конец: бесконтрольная власть способна развратить любых лидеров, будь они хоть ангелы по своим задаткам.

Поэтому я и говорю: требуются новые левые. Новые не только по названию и идеям, но также по организации и методам деятельности и, что очень важно, не связанные с бюрократизированными и дискредитировавшими себя партийными структурами. Мне лично позиция Партии Труда симпатична, а некоторых ее лидеров я знаю как хороших специалистов и порядочных людей.

Итак, если мы, работники, не хотим, чтобы нас в очередной раз оставили «с носом» и при этом уговаривали, что так надо для нашего же блага, следует объединяться и учиться отстаивать свои интересы в новых условиях.

Думаю, пришло время «собирать камни».

* * *

К сожалению, проект создания Партии или Союза Труда, т. е. политического движения, лейбористского по форме, но значительно более левого по содержанию, реализовать по-настоящему так и не удалось. Причин тому было три:

- 1) отсутствие реальной организационной работы со стороны лидеров ФНПР, без чего лейбористское движение, разумеется, невозможно;
- 2) резкий поворот руководства ФНПР вправо после замены ее лидера Игоря Ключкова Михаилом Шмаковым;
- 3) организационная слабость и разобщенность левых активистов вне коммунистического движения.

Именно отсутствие в России массового нового левого политического движения, на мой взгляд, стало главной из субъективных причин, обеспечивших «успех» политики «шоковой терапии», т. е. разрушения национальной экономики и резкого падения уровня жизни основной массы населения. Ныне, в условиях социальной и политической поляризации страны, идея создания демократического левого движения представляется менее осуществимой, чем в 1991 г.

БУДЕТ ЛИ ЕЩЕ ОДНА ЛЕВАЯ? *

* Опубликовано: Позиция.— 1994.— № 47.— С. 3; Омское время.— 1994.— № 50.— С. 2

30 октября в Москве проходил Учредительный съезд Российского социал-демократического союза (РСДС). Как участник съезда, хотел бы проинформировать читателей о нем и о своей позиции. Тем более, что по этому поводу приходится слышать немало вопросов.

В работе съезда принимали участие представители Российской социал-

демократической народной партии (партии Руцкого), социал-демократической партии России, в которой недавно к власти пришло левое крыло во главе с Александром Оболенским и Павлом Кудюкиным, Российского социал-демократического центра, Федерации независимых профсоюзов России, «зеленые» и, наконец, нескольких организаций Партии Труда (партия в целом решение о вхождении в РСДС не принимала).

На съезде явно обнаружилось два крыла будущей (если будущей) организации: левое и центристское. Сторонниками «левого уклона» на съезде проявили себя в выступлениях Александр Оболенский, Павел Кудякин, Олег Румянцев и автор этих строк. Заметно ближе к центру был один из лидеров РСДНП Василий Липицкий. Еще более тяготели к центру представители Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) Игорь Юргенс и депутат Совета Федерации от Москвы Николай Гончар, не говоря уже о присутствующем на съезде в качестве гостя лидере ФНПР Михаиле Шмакове. В целом левые настроения преобладали как на самом съезде, так и в принятых документах. Однако это еще не является гарантом того, что у руководства РСДС хватит принципиальности последовательно противодействовать нынешней политике экономического разрушения и социального обездоливания, а равным образом — гарантией того, что новая структура сможет играть заметную политическую роль в современной России.

В работе съезда в качестве гостя принимал участие Михаил Горбачев и был весьма тепло встречен. Слушая подзабытые уже плавно текущие и в общем-то правильные рассуждения Михаила Сергеевича, я не мог не отметить очередной парадокс нашей общей и своей личной политической жизни: несмотря на согласие на 80% с тем, что сейчас говорит бывший Президент СССР, мне придется немедленно покончить с участием во вновь создаваемой структуре, если в нее войдет Михаил Горбачев, а тем более если он попытается ее возглавить. Политическая реанимация — не моя специальность. Находиться в одной команде с человеком, который имел все возможности, чтобы предотвратить разрушение собственной страны, но остался его пассивным наблюдателем, я, естественно, не могу.

Оценивая ситуацию с российским политическим спектром, хочу заметить, что Россия явно нуждается еще в одной левой партии, которая опиралась бы по преимуществу на городских рабочих и интеллигенцию, подобно тому, как Аграрная партия опирается на сельский электорат. Отсутствие такой партии — одна из причин, заставляющих левонастроенных избирателей, имеющих вместе с тем предубеждение против вывески «КПРФ», отдавать свои голоса Владимиру Жириновскому. Напротив, ее появление и последующее блокирование с другими левыми силами позволило бы усилить противодействие нынешнему режиму и поднять шансы на изменение курса экономической политики. Именно по этим причинам мы уже более трех лет пытаемся реализовать в России нечто вроде лейбористского проекта — проекта создания Союза Труда как силы защиты социальных интересов работников, тесно взаимодействующей с профсоюзами. Станет ли создаваемый РСДС такой политической силой, пока уверенности нет. Что касается моего личного отношения к новой организации и возможности участия в ней, то достаточное представление об этом дает выступление на съезде. Привожу его полный текст.

* * *

Уважаемые товарищи! Я не могу говорить «за всю Одессу», представлять официальную точку зрения Партии Труда, ибо совет ПТ не обсуждал вопрос о вступлении в РСДС. То, что я скажу дальше, отражает позицию, обсужденную в омской организации ПТ, а также мою личную. Кстати сказать, профсоюзная акция, проведенная в Омске 27 октября, была третьей по численности, причем на ней доминировали лозунги отставки Правительства и досрочных выборов Президента. Наша организация разделяет эти лозунги, а я поддерживаю их в Парламенте. Говорю об этом специально для присутствующих представителей руководства ФНПР.

Возвращаясь к теме, хотел бы заметить, что любая социал-демократическая организация, а в особенности такая, какой задуман РСДС, не может быть однородной в идейном отношении. Однако считаю нужным обозначить несколько принципиальных позиций, которые, как мне кажется, должны объединять большинство политических активистов социал-демократической ориентации. Формулирую их специально остро, чтобы придать определенность дальнейшей дискуссии. Кстати, часть этих позиций отражена в проектах учредительных документов, однако в такой размытой и наукообразной форме, что требуется перевод на русский язык. Откроем, например, страницу 6 и прочитаем: «Предотвращение дальнейшего потенциала наукоемкости национального продукта России...». Спрашивается: что это за организация трудящихся, если для понимания ее основных документов требуется высшее гуманитарное образование или ученая степень?

Итак, позиция первая: оппозиционный характер организации — так сказать позиция об оппозиции. Я разделяю точку зрения Василия Липицкого, согласно которой нельзя быть в наше время социал-демократом и не находиться в оппозиции к нынешнему режиму. Причем я уверен, что настоящая социал-демократия должна быть не «оппозицией его Величества», а «оппозицией его Величеству». Хотя называть величествами руководителей нынешнего режима язык не поворачивается. Аргументация такой позиции кажется мне очевидной. Россия переживает крупнейшую в мирное время в истории XX века экономическую катастрофу. По официальной статистике, падение производства составило: в 1991 г. — 10—12%, в 1992 — 20%, в 1993 — 18%, за 10 месяцев 1994 г. еще 21%, как недавно заявил господин Черномырдин. Согласно официальной статистике, средний уровень жизни населения упал не менее чем в 2 раза. По уровню же социального неравенства, согласно выступлениям господина Шохина, Россия превзошла развитые страны в 3—4 раза. Если когда-то консерватор Черчилль заявлял, что капитализм — это неравное распределение блаженства, а социализм — это равное распределение убожества, то наш современный капитализм оказался неравным распределением убожества.

Ни в одной стране ни одна нормальная социал-демократия, представляющая интересы трудящихся, ни с чем подобным не мирилась. Вообще, когда на Западе производство падает на 5%, это называется экономическим кризисом. Когда же, по официальным прогнозам Правительства, в России валовой внутренний продукт в 1994 г. упадет на 16—18%, промышленное производство — на 25—27%, а машиностроение — на 45%, это называется стабилизацией! С исключительным

цинизмом Егор Гайдар, представляющий радикально либеральное направление, так скажем, новейших революционеров наизнанку, утверждает, что если народ не умирает с голоду, и в стране нет голодных бунтов, значит реформы идут успешно.

Но просто заявить об оппозиции режиму в настоящее время мало. Сейчас от него отмежевываются все, кому не лень, даже бывший министр финансов Борис Федоров. Действительная социал-демократия должна определить, в оппозиции к чему именно она выступает и что именно предлагает взамен.

Отсюда позиция вторая: социал-демократы не могут не быть в оппозиции к «шоковой терапии» по Гайдару и приватизации по Чубайсу. Остановлюсь на последнем чуть подробнее.

Еще в 1992 г. на VII съезде депутатов России мне приходилось говорить в лицо господину Чубайсу, что он отличается от известного булгаковского героя Шарикова только одним: Шариков хотел все отнять, чтобы потом поделить, а господин Чубайс — все поделить, чтобы потом отнять. Практика вполне подтвердила эту точку зрения. Ваучеризация по Чубайсу не дала ни эффективности производства, ни настоящего собственника, ни инвестиций. Я стараюсь избегать официальных штампов, но ваучеризация создала так называемый феномен «красных директоров», когда производство падает, а доходы управленческого аппарата растут.

Мне представляется, что документы социал-демократического Союза должны закрепить, как минимум, позицию «Декларации принципов» Социалистического Интернационала, а именно: смешанная экономика с сильным общественным сектором. В наших условиях это предполагает признание частичной ренационализации производства.

Позиция третья: защита социальной сферы, социальных интересов населения. И не только из соображений гуманности, но и по экономическим принципам. Дело в том, что падение уровня жизни населения — это мощный фактор экономического спада, деиндустриализации страны, которая, естественно, ведет к дальнейшему падению уровня жизни и так далее по замкнутому кругу.

Не менее важна четкая позиция по отношению к разрабатываемым сейчас проектам приватизации образования. Совершенно очевидно, что в условиях России приватизация образования, во-первых, приведет к сокращению государственного финансирования; во-вторых, породит коммерциализацию образования, при которой знания и культура станут делом десятым; в-третьих, вызовет скачкообразный рост неравенства в образовании, превратит его в привилегию для избранных; наконец, в-четвертых, следствие этих причин будет означать сокращение числа образованных (поскольку платить за образование почти некому) и ухудшение качества образования. Все это положит конец близким сердцу любого социал-демократа идеям общедоступности образования и культуры, по крайней мере, на десятилетия.

Позиция четвертая: оппозиция к Конституции. Вопреки навязываемому режимом мнению, Конституция стала шагом не к демократии, а в прямо противоположную сторону, приблизила нас не к правовому государству, а к суперпрезидентскому полуавторитарному режиму. Еще накануне выборов 12 декабря мне не раз приходилось заявлять, что всю Конституцию можно было бы изложить двумя статьями: статья первая — Президент всегда прав; статья вторая —

если Президент не прав, смотри статью первую. Десятимесячная работа в Совете Федерации убедила в правильности этой позиции. Однако легальность (законность) самой Конституции сомнительна, как минимум, по 4—5 пунктам. Во-первых, Президент не имел права отменять Указом прежнюю Конституцию, но отменил. Во-вторых, по прежней Конституции Президент не имел права назначить референдум, но назначил. В-третьих, согласно действовавшему Закону о референдуме, для принятия новой Конституции требовалось большинство от общего списка избирателей. Президент же установил другие правила. Наконец, в-четвертых, отменяя своими Указами целый ряд законов, Президент забыл отменить Закон о референдуме, и Закон этот даже формально действовал одновременно с Указом. Следовательно, именно в соответствии с Законом необходимо было считать голоса. Если к тому же справедливы расчеты группы Сабянина, и в референдуме по Конституции приняли участие менее половины всех граждан, имеющих право голоса, то даже по установленным Президентом правилам Конституция не принята!

Уверен: требование пересмотра нынешней Конституции должно быть одним из основных не только для социал-демократов и не только для левых движений, но и для всех, кто продолжает разделять хотя бы точку зрения на демократию как плохую форму управления, лучше которой, однако, человечество еще ничего не придумало.

Я согласен с прозвучавшим здесь, и в частности от Олега Румянцева, предложением и готов проголосовать за созыв Конституционного Собрания.

Позиция пятая: тесное сотрудничество с профсоюзами. Я всегда был сторонником лейбористского проекта создания массовой партии трудящихся и до сих пор считаю, что без профсоюзов объединение даже множества левых партий и групп не решит проблем. Образно говоря, из соединения оленя с десятком кроликов политического тигра не получится.

Полагаю, что левые политические течения должны работать со всеми профсоюзами, однако официально блокироваться лишь с теми профсоюзными лидерами, которые последовательно защищают интересы работников, а не целуют руки руководителям нынешнего режима при каждом удобном случае.

Позиция шестая: название Союза. С 1990 г. я определял свои взгляды как взгляды левой социал-демократии. Однако сейчас, когда социал-демократия входит в моду и когда этим именем не клянется только ленивый (чуть ли не господин Бурбулис заявляет о симпатиях социал-демократии), приходится думать о возможной смене вывески.

Если сторонники нынешнего режима или его перекрашивания создадут собственную социал-демократическую организацию, нормальным социал-демократам придется либо бороться за название истинных, либо искать новое наименование. Возможный вариант — Союз Труда.

И, наконец, последнее. В порядке полемики я хотел бы заметить, что мы, конечно, должны использовать опыт западной социал-демократии, однако не можем это делать механически. Может быть, через 50 лет российская социал-демократия сможет стать такой же респектабельной, спокойной, как наши зарубежные коллеги. Но сейчас российская ситуация напоминает, скорее, Европу 30-х гг. И мы должны быть не менее энергичной и боевой — в политическом

смысле — организацией, чем европейские социал-демократы того времени. Кстати, они и до сих пор не стесняются называть свою официальную идеологию демократическим социализмом, тогда как на нашем съезде звучат предложения отказаться от «измов».

Таковы лишь некоторые позиции, которые я хотел вынести на обсуждение съезда. В зависимости от того, разделит ли их Союз, мы будем определять форму сотрудничества с РСДС омской организации и Партии Труда в целом. Спасибо.

НЕСТАЛИНИСТСКИЕ ЛЕВЫЕ В РОССИИ: ОБОЗРИМОЕ БУДУЩЕЕ — РАБОТА В ОППОЗИЦИИ *

*Выступление на конференции социалистов-обществоведов
Нью-Йорк, 8 апреля 1995 г.*

* Опубликовано: Альтернативы, 1995. — № 3. С. 2—6

Уважаемые участники конференции! Совершенно очевидно, что условия для развития демократического левого движения в России иные, чем на Западе: в чем-то лучше, но в основном, пожалуй, хуже.

Существуют, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны усиливать левые настроения в России: очевидный провал политики «шоковой терапии» и особенности национального менталитета.

Что касается «шоковой терапии», то как специалист я мог бы быть доволен тем, что выступал «против» в то время, когда почти все мои коллеги — народные депутаты России — были «за». На фоне восторженного хора голосов, кричащих: «Ура, реформы наконец-то начались!» — немногочисленные противники «шоковой терапии» предупреждали тогда, что вместе с этим медицинским термином стране скоро потребуются и другие: «реанимация», а возможно и «клиническая смерть». Суть политики «шоковой терапии» в России была предельно проста:

- 1) освобождение цен («Ни плана, ни рынка, а экономику распушить»);
- 2) всеобщая обвальная приватизация («Все поделить»);
- 3) замена бесплатных или практически бесплатных социальных услуг платными («Каждый должен платить за все, а зарплату ему или не доплачивают, или не платят»).

С тех пор динамика экономического кризиса в России, согласно официальным данным, была такова: спад промышленного производства в 1991 г. составил 10—12%, в 1992 — 20%, в 1993 — 18%, в 1994 — 21 процент. Таким образом мы легко догнали и значительно перегнали Соединенные Штаты периода «Великой депрессии». Впрочем, известный хрущевский лозунг был реализован и в другой области: согласно оценкам бывшего Министра экономики Александра Шохина, уровень социального неравенства в России в 3—4 раза выше, чем в развитых странах Запада. По официальным оценкам, в Москве децильный коэффициент составляет 50.

Среднесрочная правительственная программа на 1995—1997 гг. содержит одновременно две противоположные оценки экономической ситуации:

- а) в стране произошла экономическая стабилизация;

б) кризис в России переходит в структурную фазу, которая будет самой тяжелой.

По каким учебникам и в каком университете изучали логику авторы этой программы, видимо, известно только им самим.

Впрочем, точность прогноза в случае, если этот прогноз катастрофический, является слабым утешением. Перефразируя Бисмарка, можно сказать, что неучастие в плохой политике не освобождает от ее последствий. Понятно, что углубляющийся экономический кризис является фактором роста оппозиционных настроений в стране, в том числе левых.

Другой фактор левых ориентаций массового сознания — это национальный менталитет, в котором прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнилельного характера. Специалисты в области контент-анализа давно обратили внимание на то, что «архетипы» классической российской культуры XIX в. ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее, на нестяжательскую самореализацию, а иногда самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии с ее призывами типа «Обогащайтесь!», «Деньги не пахнут» и т. п. плохо совместима с таким культурным контекстом. Не случайно бывшие демократы в России все чаще призывают «железной рукой», административным насилием защищать интересы новых собственников и подавлять уравнилельные настроения.

Однако роль названных выше факторов «левого поворота» весьма и весьма неоднозначна. Так, развал экономики, обнищание широких слоев вызывают, скорее, не левые демократические, а крайне левые (неосталинистские) и крайне правые настроения, либо апатию и равнодушие к любой политике («все они там одинаковы»). Что же касается представлений о равенстве, то они, во-первых, нередко имеют весьма своеобразный характер: мне лично приходилось неоднократно наблюдать людей, которые спокойно воспринимают факты невиданного разворовывания страны, вывоза за рубеж многих миллионов долларов капитала, но вместе с тем не могут жить спокойно, когда у соседа заработная плата выше на 100 тысяч рублей (20 долларов). Во-вторых, уравнилельные стереотипы массового сознания, как это ни парадоксально, были использованы существующим режимом.

На последнем стоит остановиться особо. Как известно, ваучерная приватизация по Чубайсу мотивировалась именно тем, что каждый гражданин должен получить равную долю общественного богатства. При этом автор проекта многократно публично заявлял, что на ваучер каждый сможет купить «Волгу» (престижная марка автомобиля в СССР и России). Еще до начала проекта было совершенно очевидно, что данная модель приватизации экономики вредна, социально бесполезна, но политически почти гениальна, поскольку привлекает всех и якобы в равных долях к растаскиванию общественного богатства. Выступая на съезде депутатов России в присутствии Чубайса, я говорил о том, что сторонники обвальнющей ваучеризации, как две половинки яблока, похожи на героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Только тот предлагал сначала все отнять, а затем поделить, эти же требуют все поделить, чтобы потом отнять! И тем не менее парадокс истории состоялся: механизм «дикого капитализма» в России был

запущен с помощью стереотипов «казарменного коммунизма»!

На мой взгляд, факторы, которые вызывают смещение российского политического курса вправо, значительно сильнее тех, о которых речь шла выше. Отведенное время не позволяет мне анализировать эти факторы, но позволяет назвать четыре наиболее важных.

Во-первых, это «неоконсервативная волна» — общий сдвиг вектора общественного развития вправо с конца 70-х гг., который вызвал на Западе полураспад коммунистических и ослабление социалистических партий, а на Востоке — крах большинства режимов «административного социализма».

Во-вторых, это принцип «маятника», «качелей» в развитии революции и контрреволюции, наиболее ярко проявившийся в истории Франции конца XVIII—XIX в. и России XX в. Как известно, Великая Французская революция шла сначала влево до якобинской диктатуры, затем — до отказа вправо, включая реставрацию династии Бурбонов, затем вновь влево через революцию 1830 г. и 1848 г. до Парижской коммуны. Аналогичным образом Российская революция пережила военный коммунизм, НЭП, сталинский перелом, наконец, перестройку, превратившуюся, по меткому выражению Александра Зиновьева, в «катастрофку». Представляется, что начавшееся после 1985 г. движение «маятника» российской истории вправо в настоящее время еще не завершено.

В-третьих, это бюрократический характер новейшей российской революции (или контрреволюции): устранение прежней власти было осуществлено не контрэлитой, а вторым эшеленом существовавшей политической элиты, при этом бюрократия в целом обменяла власть на собственность, а еще чаще умножила собственность при сохранении власти. В результате левые течения испытывают серьезные проблемы в формировании собственной политической контрэлиты.

Наконец, в-четвертых, это дискредитация в общественном сознании большинства известных моделей общественного развития, в том числе, увы, и социалистической идеи. Среди многочисленных парадоксов современной России есть и такой: масса людей с левыми или даже леворадикальными настроениями, испытывающих аллергию при слове «коммунизм» или «социализм». Этот феномен еще ждет своего изучения социологическими методами.

Думаю, объективную тенденцию развития субъективными усилиями, несомненно, нужно пытаться изменять, но вряд ли можно изменить. Поэтому условия деятельности демократических левых в обозримой перспективе скорее всего будут неблагоприятными. В этих условиях возможна одна из двух линий поведения:

1) на полную самостоятельность и чистоту рядов, так сказать, «идеология гордого одиночества»;

2) на блокирование с теми или иными политическими силами.

Первую линию мы пытались проводить с 1991 г., однако она успехом не увенчалась. Лейбористский по форме, но гораздо более левый по содержанию проект не удалось реализовать, по крайней мере, по трем причинам:

1) боязнь профсоюзов втягиваться в политику;

2) смещение современного профсоюзного руководства вправо (парадоксально, но факт: лидер нынешней ФНПР Михаил Шмаков заметно правее лидера «Красных директоров» Юрия Скокова!);

3) немногочисленность и организационная слабость левых активистов.

Вторая линия могла бы быть связана с участием в широком блоке политических сил, представляющих интересы как наемных работников, так и производительного, социально ориентированного капитала. Участие демократических левых позволило бы их союзникам, с одной стороны, несколько улучшить политический имидж, а с другой — сделало бы оппозицию более цивилизованной, помогло бы избежать крайностей, которыми чревата революционная или контрреволюционная эпоха. Вместе с тем при организационной слабости демократических левых подобная тактика чревата их растворением в других течениях. В любом случае выбрать линию поведения придется по обычному в политике принципу — по принципу меньшего зла. Действовать же в обозримой перспективе скорее всего предстоит в оппозиции. И здесь мне вспоминается известная идея Альберта Камю о том, что подлинным героем всех времен и народов является Сизиф: он точно знает, что камень сорвется с вершины, но продолжает катить его в гору.

Хочу надеяться, что у демократических левых в России хватит характера не опускать рук.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XXI ВЕКА: НАДЕЖДЫ И ПРЕГРАДЫ

Обсуждаемая проблема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром в последние 50 лет) и прогноз будущего (что в результате этого нас ожидает). Причем вторая сторона проблемы представляет собой еще большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, осложняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, — а в Китае даже есть пожелание недругу: чтоб тебе жить в век перемен, — но между пророками мало единства насчет того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недалекой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

Следует заметить, что понимание термина «демократический социализм» в данном случае принципиально отличается от того его понимания, которое обычно используется «правой» (модернистской) социал-демократией. Большинство современных социал-демократов понимают «демократический социализм» как общественный идеал, как процесс, т. е. как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь. Мне же представляется, что «демократический социализм» — это модель общественной системы, характеризующаяся определенным набором признаков: производство, основанное на

высоких и экологически ориентированных технологиях; смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности; приоритетное развитие образования, науки и культуры; ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда социальное неравенство и т. п. Иначе говоря, большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, тогда как большинство демократических левых — на ее изменение. С другой стороны, и в современной России классический вариант социал-демократии представляется неприемлемым, поскольку, прежде чем накладывать ограничения на частную собственность, ее сначала приходится вводить в полном объеме, а это вызывает движение не вперед в XXI век, но, скорее, назад в XIX век.

Сделав эти оговорки, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они являются доказательствами не прямыми, а косвенными.

Аргумент № 1 основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были временными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом чем больше та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше («по принципу маятника») было возвратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим опытом.

Аргумент № 2 исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» — справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в конце XX в. эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, аргументом № 3 могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром».

Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников, об относительно высоком среднем уровне жизни, о развитой системе социальных гарантий, об активном экономическом

регулировании, об ограничении социального неравенства и т. п. Многие специалисты — от социал-демократов до правых консерваторов типа Хайека — считают все это проявлением социализации, и не без некоторых оснований.

Другими словами, мы не ошибемся, сказав, что рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен росткам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарастанием варварства (в обыденном, а не строго научном смысле этого слова).

Так, если исходить из того, что главной социальной ценностью является человеческая жизнь, а главными социальными показателями, соответственно, показатели ее обеспеченности, то нельзя не видеть, что уровень жизни в России за последние 4 года снизился в среднем в 2—3 раза, продолжительность жизни у мужчин — на 6 лет, у женщин — на 1,5 года, а смертность превысила рождаемость в 1992 г. — на 220 тыс., в 1993 г. — на 750 тыс., в 1994 г. — на 920 тыс. человек. Совершенно очевидно, что после «шоковой терапии», как после войны средней интенсивности, потребуется восстановительный период.

Однако мы не можем не видеть, что трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома, через огонь, воду и медные трубы. Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (или реформы) политической. Точно так же совершенно очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического Манифеста, а разновременно. Я не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, но простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX в. было на несколько порядков выше, чем в последней его трети. По-видимому, период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время как никогда прежде.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Когда Фридрих Энгельс говорил, что революция — самый авторитарный акт в истории; когда Макс Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства; когда современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными, — все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в гитлеров или муссолини. Диктатура

же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая Россию.

Теоретически ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос о том, как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, 25 лет назад Римский клуб выступил с критикой безудержного потребительства и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. Удивляюсь, как в современной России левого либерала Аурелио Печчеи до сих пор не объявили «красно-коричневым»! В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель потребительского общества себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризиса. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского клуба в художественной форме предвосхитил известный советский фантаст и палеонтолог Иван Ефремов, роман которого «Час быка» описал возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше, чем «Пределы роста» Д. Медоуза.

Однако неочевидно, что аргументы Римского клуба или ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительными вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива: «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью и населением. Имеющиеся социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, если катастрофа угрожает немедленно.

Косвенным подтверждением этому может служить ситуация в России 90-х гг.: современная политика губительна для высоких технологий, социальной сферы, нормального образа жизни большинства населения, но отвечает интересам узких групп, так называемых «новых русских»; однако в целом народ воспринимает катастрофу, скорее, равнодушно или стоически, в том числе и потому, что многих убедили, будто выворачивание карманов необходимо для их же собственного блага. Реальная ситуация во многом напоминает мазохистский анекдот о русских, над которыми проводили эксперимент и в конце концов объявили, что завтра будут

вешать. В ответ герои анекдота лишь спросили: «Веревку там дадут или с собой приносить?»

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных удовольствий по принципу «После нас хоть потоп!»

Теперь, конкретизируя исходный парадокс, можно утверждать, что реализация идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма, и главный из них — большая социализация является условием выживания человечества.

В итоге всего сказанного позволю себе следующий вывод. Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадежного дела!» — в данном случае вполне осмысленна, ибо, работая во имя своих социальных идеалов, демократические левые тем самым работают и во имя выживания человечества.

* * *

Внимательный читатель, должно быть, уже догадался, что, называя книгу «Три трагедии российской демократии», автор имел в виду более глубокий смысл, нежели тот, что отражен в одноименной статье, посвященной разгрому парламентской власти в России. В более общем смысле три трагедии российской демократии — это, во-первых, использование новой политической элитой механизма плебисцитарной (т. е., казалось бы, непосредственно народной) демократии против интереса самого народа, манипулирование народом посредством самого народа; это, во-вторых, полное подавление представительной власти властью президентской, а следовательно, замена представительной демократии полуавторитарным режимом; это, в-третьих, крушение всех попыток создания новых массовых демократических движений левой ориентации, что резко ограничило политическую базу левого движения в целом, способствовало доминированию правых в политике, а тем самым и выбору разрушительного экономического курса.